Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 2 (30).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 2 (30), 2025.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-2-326-343
https://elibrary.ru/DSSOOC

© 2025. Петр Дружинин
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук, Москва, Россия

Записки из подполья: Письмо Сталину в защиту Достоевского

© 2025. Petr A. Druzhinin
V.V. Vinogradov Institute of Russian Language
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Notes from the Underground: A Letter to Stalin in Defense of Dostoevsky

Информация об авторе: Петр Александрович Дружинин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, ул. Волхонка, д. 18/2, 119019 г. Москва, Россия.

https://orcid.org/0000-0003-3097-3375

E-mail: petr@druzhinin.ru

Аннотация: В статье публикуется неизвестное письмо к И.В. Сталину в защиту наследия Достоевского, написанное в 1948 году. Ранее этот документ сохранялся в архивном фонде выдающегося исследователя Ф.М. Достоевского А.С. Долинина в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки как письмо неизвестного автора. Настоящая статья не только устанавливает его имя, но одновременно вводит в историю науки о Достоевском ранее неизвестное лицо, биографию которого пытается восстановить автор. Это Елена Ивановна Нестерова (1916 – ?), родившаяся в старообрядческой семье, окончившая учительский институт и в 1940-е годы работавшая библиотекарем Удмуртской республиканской библиотеки имени Пушкина. Е.И. Нестерова, живя и работая в Ижевске, мечтала

стать исследователем творчества Достоевского, продолжить свое филологическое образование в аспирантуре. В 1946 году она написала с этой целью реферат о гуманизме Достоевского, который был отправлен в Ленинградский университет и попал в руки профессору А.С. Долинину. Возникшая между ними переписка открывает нам не только сочувственное, великодушное, истинно педагогическое лицо А.С. Долинина, но и рисует образ Е.И. Нестеровой, которая хотя и была сформирована в советские годы, но с юных лет находилась под сильнейшим влиянием творчества Ф.М. Достоевского. Более того, она сумела собрать вокруг себя круг словесников, которые разделяли ее взгляды. Когда же в декабре 1947 года разразилась кампания против Ф.М. Достоевского, Е.И. Нестерова нашла в себе силы встать на защиту любимого писателя, написав письмо И.В. Сталину.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, А.С. Долинин, Е.И. Нестерова, И.В. Сталин, Удмуртия, Ижевск.

Для цитирования: *Дружинин П.А.* Записки из подполья: Письмо Сталину в защиту Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 2 (30). С. 326–343. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-2-326-343

Information about the author: Petr A. Druzhinin, PhD in History, Senior Research Fellow, Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Volkonka St., 18/2, 119019 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0003-3097-3375

E-mail: petr@druzhinin.ru

Abstract: The article publishes a previously unknown letter to Joseph Stalin in defense of Dostoevsky's legacy, written in 1948. Until now, this document was preserved in the archival collection of the prominent Dostoevsky scholar A.S. Dolinin in the Manuscript Department of the Russian National Library as a letter by an unknown author. The present article not only identifies the author's name but also introduces a previously unknown figure into the history of Dostoevsky studies, whose biography the author attempts to reconstruct. This figure is Elena Ivanovna Nesterova (1916–?), born into an Old Believer family, who graduated from a teachers' institute and worked as a librarian at the Udmurt Republican Pushkin Library in the 1940s. Living and working in Izhevsk, Nesterova dreamed of becoming a scholar of Dostoevsky's works and continuing her philological education in graduate school. In 1946, she wrote an essay on Dostoevsky's humanism for this purpose, which was sent to Leningrad University and came into the hands of Professor A.S. Dolinin. The correspondence that ensued between them reveals not only Dolinin's compassionate, generous, and truly pedagogical character but also paints a portrait of Nesterova, who, though shaped by Soviet upbringing, had been deeply influenced by Dostoevsky's works from a young age. Moreover, she managed to gather around her a circle of literary enthusiasts who shared her views. When the campaign against Dostoevsky erupted in December 1947, Nesterova found the courage to stand up in defense of her beloved writer by writing a letter to Joseph Stalin.

Keywords: Dostoevsky, Nesterova, Dolinin, Stalin, Udmurtia, Izhevsk.

For citation: Druzhinin, P.A. "Notes from the Underground: A Letter to Stalin in Defense of Dostoevsky." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 2 (30), 2025, pp. 326–343. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-2-326-343

В фонде Аркадия Долинина в рукописном отделе РНБ хранится копия письма неизвестного лица И.В. Сталину от 2 января 1948 года[1]. Касается оно той оценки творчества Ф.М. Достоевского, которое было дано кампанией 1947 года, в ходе которой были публично осуждены книги А.С. Долинина «В творческой лаборатории Достоевского: История создания романа “Подросток”» и В.Я. Кирпотина «Молодой Достоевский». [Дружинин, 2012, т. 1, с. 370–382].

За этим письмом, которое представляет собой уникальное явление для эпохи позднего сталинизма, кроется и незаурядный сюжет науки о Достоевском. Изучение архива А.С. Долинина позволило установить имя автора этого письма, и через это увидеть коллективный портрет русского читателя середины XX века, который, несмотря на все усилия советской власти, продолжал преклоняться перед гениальным писателем и его творчеством. Это письмо — доказательство того, как любовь к Ф.М. Достоевскому жила в те тяжелые годы даже в самых дальних уголках нашей бескрайней родины, и эта любовь была не тихая, униженная и оскорбленная, а деятельная и смелая. Осознавая, что собранная нами по крупицам биография автора письма вопиюще неполна, мы тем не менее считаем необходимым вписать это имя в летопись науки о Достоевском.

Речь пойдет о никому не ведомой Елене Ивановне Нестеровой из Удмуртии. Жизнь ее была связана с Ижевском: она родилась в 1916 году, в 1939 году окончила учительский институт, получила диплом учителя русского языка и литературы, отработала положенные годы по специальности, а в сентябре 1941 года перешла на должность библиотекаря читального зала Удмуртской республиканской библиотеки имени Пушкина, одновременно выступая с лекциями о русской литературе. В 1947 году она была награждена медалью «За доблестный труд в Великой отечественной войне» (к сожалению, документы о награждении этой медалью не содержат никаких анкетных данных)[2]. Как писала Е.Н. Нестерова о себе А.С. Долинину в одном из писем, «Наш род по своему вероисповеданию принадлежит к старообрядцам, то есть к своего рода последователям протопопа Аввакума, хотя наши и не очень почитают его, наверное, за самохвальство <...> Кроме того, у моего дедушки есть книги не только священные, но и так, для душеспасительного

[1] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 2. Д. 831. Л. 1 – 4, автограф.

[2] ЦГА Удмуртской республики. Ф. Р-620. Оп. 4. Д. 802. Л. 177.

чтения на досуге»[3]. Эти слова находят подтверждение в материалах исследователя древнерусской литературы Н.Н. Розова, в которых отложился список «Повести о Новгородском белом клобуке», сделанный Е.И. Нестеровой в марте 1949 года, возможно, с одной из семейных рукописей[4].

Также мы можем увидеть имя Е.И. Нестеровой в газете «Удмуртская правда» как лектора Республиканского лекционного бюро. Весной 1948 года в рамках цикла о советской литературе она прочла лекции «Ленин и Сталин в художественной литературе» (29 февраля), «Писатель-воин Д.А. Фурманов» (4 апреля) и «Н. Островский — певец мужества и патриотизма в советской молодежи» (11 апреля)[5].

Судя по служебной характеристике 1950 года, в библиотеке ей работалось не совсем спокойно: «Хорошо изучила книжный фонд читального зала, особенно отдел истории литературы, отвечает требованиям старшего библиотекаря, работу свою любит, но очевидно понимает её как-то своеобразно, не проявляет инициативы и не организует дифференцированное обслуживание, особенно групп рабочей молодёжи»[6]. В мае 1952 года Е.И. Нестерова оставила работу в республиканской библиотеке «в связи с отъездом из Ижевска», и о ее дальнейшей судьбе мы ничего не знаем.

С юности Елена Нестерова увлекалась творческом Ф.М. Достоевского, а в 1946 году решила попытать счастья в поступлении в аспирантуру, чтобы написать диссертацию о любимом писателе. Не зная куда подать документы, и не имея возможности сама поехать куда-либо из Ижевска, Е.И. Нестерова сочинила два реферата, переписала их в нескольких экземплярах и отправила в ряд вузов — в Молотов, Казань, Ленинград... Один из этих рефератов представлял собой критический разбор статьи В. Ермилова «Горький и Достоевский» (1939), и скорее напоминал очерк о гуманизме Достоевского[7].

Ответ она получила только один — из Ленинградского университета: рефераты Е.И. Нестеровой были переданы на рассмотрение профессору А.С. Долинину, и затем отдел аспирантуры прислал ей

---

[3] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 205. Л. 31 – 31об (9 июня 1947 года).

[4] ОР РНБ. Ф. 1338. Оп. 1. Д. 363. Л. 1 – 36.

[5] Календарный план лекций по советской литературе: (Республиканское лекционное бюро) // Удмуртская правда. Ижевск, 1948 № 28, 8 февраля. С. 4.

[6] Архив Национальной библиотеки Удмуртской Республики (Ижевск); выражаем благодарность О.Н. Ертановой за эти сведения.

[7] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 205. Л. 1 – 13.

приглашение на вступительные экзамены в аспирантуру филологического факультета ЛГУ. Однако на экзамены она не приехала, не смогла преодолеть свою неуверенность. Но события развивались таким образом, что она сама написала А.С. Долинину, а Аркадий Семенович, будучи натурой тонкой и отзывчивой, ответил, причем ответил не формально. Так между Ижевском и Ленинградом на несколько лет возникла переписка, которая дает нам портрет этой поклонницы Ф.М. Достоевского. И хотя писем А.С. Долинина не сохранилось даже в черновых вариантах, мы можем видеть, что профессор рекомендовал ей литературу, причем более широко, чем только изучение Ф.М. Достоевского, а со временем делился и личными переживаниями, особенно в связи с тяжелой ситуацией второй половины 1940-х годов на филологическом факультете ЛГУ, рассказывал о друзьях, в том числе о душевных и физических тяготах Б.М. Эйхенбаума... Ниже мы приведем выдержки из сохранившихся писем Е.И. Нестеровой, начиная с самого первого, не датированного.

Уважаемый проф. Долинин!

Вы, наверное, немного знакомы с моей фамилией. В желании быть допущенной к аспирантским испытаниям я послала в отдел аспирантуры вашего университета две свои работы о Достоевском. Для оценки они были переданы Вам. Это была большая приятная неожиданность, так как для меня Вы — тот авторитет, который мог бы разрешить сложную путаницу вокруг имени Достоевского. Я Вас знаю, главным образом, по статье «Достоевский среди петрашевцев» <1936 года>. Честность, независимость суждений резко выделяет эту статью из всего написанного по поводу Достоевского. Я очень хотела работать под Вашим руководством. Но я не приехала на испытания. Основная причина этому была неуверенность в себе, неуверенность в том, что в избранном мною направлении есть подлинная истина. Я хотела учиться, чтобы работать над Достоевским и чтобы добиться нового освещения его творчества. Извините мне эти слова. Они, наверное, звучат наивно и самонадеянно. Но я именно этого хотела.

Думать и писать о Достоевском меня заставляет чувство боли и обиды за него. При настоящем положении вещей Достоевский у нас загнан в угол и плотно задвинут ширмами. В школах от него отделываются замечаниями в скобках — и наша интеллигенция имеет смутное представление о Достоевском. И это делается тогда, когда никто

не смеет отрицать, что Достоевский — гений, что Достоевский — титан человеческой мысли.

Почти от всего, что написано в современной критике по поводу Достоевского, веет безнадежной путаницей и явно предвзятой целью свести на нет ценность его творчества[8].

В письме от 6 октября 1946 года Е.И. Нестерова пишет:

Аркадий Семенович, должна Вам сказать, что я в общем все-таки глубоко разочарована литературой о Достоевском. Правда, я еще не познакомилась как следует с нею, но уже ясно, что главного нет. Нет того, чего ждут все, вся более или менее культурная часть нашего народа — обстоятельной книги о Достоевском, о его жизни и творчестве. Книга Л. Гроссмана <«Жизнь и труды Достоевского»> имеет громкое название, а кого она может удовлетворить? Она может оказаться нужной только для научных работников как справочник. Да и лучше, что Л. Гроссман занялся только цифрами. Страшно довериться человеку, который создал такую отвратительную книгу, как «Рулетенбург». О жизни Достоевского до сих пор можно узнать только из писем да книги <В.С.> Нечаевой «В семье и усадьбе Достоевских». Но разве это достаточно? А что есть о творчестве Достоевского? — Всё любительские статьи, разработка частных вопросов, примечания, комментарии.

Аркадий Семенович, мне непонятны Ваши слова: «О Достоевском колоссальная литература. О нем все сказано». Я не понимаю этих слов, потому что ясно вижу и чувствую, как все бродят в потемках около Достоевского или боязливо обходят его. Где та книга, где был бы дан полный, стройный и критический обзор жизни и творчества Достоевского, подводящий итог всей «многочисленной» о нем литературе[9].

С искренней радостью встречала Е.И. Нестерова изменения настроений к писателю, которые демонстрировались центральной прессой в связи с юбилеем 1946 года. Впервые, после настойчивого увязывания идеологии Ф.М. Достоевского с идеологией фашизма, веригами лежавшего на науке о Достоевском с 1930-х годов, в

[8] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 205. Л. 1.

[9] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 205. Л. 18 – 18 об.

журнале «Огонек» [Александров, 1946] обозначилась смена этого привычного шаблона:

> Но есть и хорошие новости. В «Огоньке», № 46-47, в связи с юбилеем Достоевского, напечатана статья В. Александрова. Она произвела на меня поистине отрадное впечатление. Ведь здесь впервые совершенно официально снимается с Достоевского обвинение в том, что он сочувствовал шигалевщине, в том, что он выдвигал — как положительную — идею о сверхчеловеке, то есть проповедовал ницшеанскую философию. Как громом поразили меня следующие слова: «Среди философских тем Достоевского нельзя, разумеется, не упомянуть о критике тех взглядов, которые впоследствии стали известны, как ницшеанские»[10].

Изображение Е.И. Нестеровой собственных бытовых подробностей в письмах создает картину трудной жизни в Ижевске, да и сами письма она пишет на вырванных листах из школьных тетрадей и даже на бухгалтерских табелях: «Скажу немного о себе. Жить, Аркадий Семенович, очень трудно, в материальном отношении. Крутимся, как белки в колесе, а толку мало. В городе неспокойно. Появились какие-то бандиты. (Впрочем, они у нас всегда были). Раздевают, убивают[11]. Я возвращаюсь домой с работы поздно и каждый раз не уверена, что дойду цела. В такой обстановке бегать по городу с лекциями особенно жутко»[12].

А.С. Долинин, понимая, что партбилет мог бы сильно упростить путь Е.И. Нестеровой в аспирантуру, задал ей соответствующий вопрос, но получил такой ответ: «Аркадий Семенович, Вы меня спрашивали о моей партийности. Нет, не партийная. Я с точки зрения партийности не выдерживаю никакой критики, не почему-либо, а просто стиль, характер не такой. И если это — условие, то двери аспирантуры для меня закрыты навсегда. Но я все равно когда-нибудь

[10] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 205. Л. 21 – 21 об (письмо от 10 января 1947 года).

[11] Криминогенность Ижевска находила отражение даже в республиканской прессе, напр.: Грабители пойманы // Удмуртская правда. Ижевск, 1946. № 77, 16 апреля. С. 3.

[12] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 205. Л. 19 – 19 об (6 ноября 1946 года).

приеду в Ленинград, как только жизнь будет немного попроще»[13]. Е.И. Нестерова умолчала, что она не была даже членом ВЛКСМ[14].

Не сумев превозмочь материальных и моральных трудностей, но не расставшись с мечтами об аспирантуре, Е.И. Нестерова решила искать место ближе к Ижевску; в сентябре 1947 года она держала экзамены в аспирантуру Казанского пединститута, но там ей не были рады: экзамен по русской литературе, который принимал доцент И.А. Рахлин, выпускник Ленинградского университета и специалист по творчеству М. Горького, был столь пристрастным, что не оставил ей никаких шансов (подробно экзамен описан в письме от 6 ноября 1947 года)[15].

Когда вышла в свет книга А.С. Долинина «В творческой лаборатории Достоевского: (История создания романа “Подросток”)», один из экземпляров профессор отправил в Ижевск с теплой дарительной надписью.

> Дорогой Аркадий Семенович!
>
> Вчера, 27 ноября <1947>, получила Вашу книгу, самый дорогой и желанный для меня подарок. О нем я немножко мечтала, когда прочла о выходе в свет Вашей книги, — и вот видите... Спасибо, дорогой Аркадий Семенович!
>
> Однако, почти тут же мою радость смутила мучительная мысль: Вы послали книгу 3 ноября, стало быть, еще до моего письма, когда еще не знали об этой истории с Казанью; на письмо же Вы мне не ответили, и, кто знает, может быть, сейчас Вы уже не написали бы этих бесконечно дорогих для меня слов. И вот мне стало так больно и обидно, что я расплакалась над Вашей книгой[16].

Настоящие же огорчение пришли в конце декабря 1947 года: сперва с публикацией статьи Д.И. Заславского «Против идеализации реакционных взглядов Достоевского» в газете «Культура и жизнь» [Заславский, 1947], а затем и В.В. Ермилова «Ф.М. Достоевский и наша критика» в «Литературной газете» [Ермилов, 1947]. Эти статьи

---

[13] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 205. Л. 25 об (20 марта 1947 года).

[14] Архив Национальной библиотеки Удмуртской Республики (Ижевск), личная карточка 1948 г.

[15] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 205. Л. 40 – 42.

[16] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 205. Л. 69 (письмо от 28 ноября 1947 года).

сильно травмировали Е.И. Нестерову, а ее душевные переживания открывают нам и историю ее увлечения писателем.

Дорогой, бесконечно дорогой Аркадий Семенович! Я, конечно, о статье Заславского. Просто замечательно, какое нахальство, грубость и безответственность. Как не стыдно было Заславскому подписываться под этим легкомысленным, необоснованным, пристрастным злоречием. Все перевернул вверх дном и, в конце концов, сам остался на пустом месте. Что же это они нас, читателей, принимают за болванов что ли, которые не могут отличить черное от белого. Я, конечно, напишу в редакцию газеты «Культура и жизнь», но сейчас я слишком взволнована, слишком горячусь, а письмо надо обдумать.

Дорогой Аркадий Семенович, вот что я и имела в виду, когда просила Вас беречь себя. Боюсь, что мои слова оказались беспомощными. В самом деле, кого не выведет эта дурацкая болтовня из последнего терпения. Даже я и то чуть совсем не расхворалась от возмущения, горечи и обиды. Но существенно повредить Вам эта статья не может. Заславский прыгает перед Вашей книгой совершенно беспомощный. Она оказалась для него слишком прочной, чтобы урвать что-нибудь от нее и изгадить <...>

Я преклоняюсь перед Вашей научной честностью, принципиальностью и силой характера. Дорогой Аркадий Семенович, не огорчайтесь. Самое главное уже сделано: книга вышла в свет и она сама пробьет себе дорогу. Я знаю, Вам больно и обидно и не только за себя, но и вообще за Достоевского. Все, что было сделано для того, чтобы великое богатство наследия Достоевского стало достоянием всего народа, теперь опять отбрасывается грубой, невежественной рукой. Но нет, нет, дорогой Аркадий Семенович. О Вашей книге говорят с величайшим уважением, а статья Заславского — закон для дураков. Берегите себя, пожалуйста, я прошу Вас[17].

Дорогой Аркадий Семенович!

Прочитала я и статью Ермилова, и мне стало совсем ничего не понятно. Почему все наоборот? Я понимаю, что разные люди воспринимают по-разному, но почему все-таки все наоборот? По-ихнему получается, что Достоевского может любить только развращенный, низкий человек, а что же я была такое, когда 14-ти лет впервые го-

[17] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 205. Л. 48 – 48 об (26 декабря 1947 года).

рячо полюбила Его, как единственного, великого, неповторимого? Я видела в его героях величайшую ответственность за свои поступки и через это невиданную чистоту их души, а когда знакомилась с его страстным раздумьем о Боге, о будущем человечества, мне казалось, что так можем думать только мы с Достоевским, только мы вдвоем. И почему они так грубо, самонадеянно оскорбляют память Достоевского, когда никто в мире, как он, не страдал так за человека, не искал так мучительно и страстно выхода к блаженству человечества, к вечной гармонии, о которой не переставал мечтать? Как они могут? Как они смеют?!

Дорогой Аркадий Семенович, мне очень хочется сейчас быть с Вами. Чувствую себя одинокой и беспомощной перед лицом безобразного факта, когда самое любимое заносится грязью. Но что я могу, что я могу сделать?[18]

А.С. Долинин еще имел силы для оптимизма, а наблюдая то, что происходит в душе своей почитательницы из Ижевска, старался как мог ее утешить, призывая присущее ученому чувство юмора и здоровый сарказм. Об этом свидетельствует ответ Е.И. Нестеровой.

Дорогой Аркадий Семенович!

Мне очень было весело читать Ваше последнее письмо. В нем столько бодрости, жизнерадостности и веры в торжество справедливости, что стало даже смешно над собой. Мы, то есть поклонники Достоевского, восприняли всю эту историю очень болезненно, как личное оскорбление и обиду. Меня, понятно, задевало больше всех. Хотелось отомстить. Впрочем, они сами себя очень наказали. Напечатать статью Заславского — это значило скомпрометировать себя. Мне кажется, им просто стыдно. А главное: «Федор Михайлович, разумеется, их даже не заметил». Теперь уже мне даже непонятно, как мы могли раньше думать иначе. Благодарение Богу, что все именно так, как есть[19].

Поясним слова Е.И. Нестеровой об ижевских поклонниках Достоевского. Судя по переписке, вокруг нее сформировался круг словесников, сочувственно относившихся к писателю, и первое ме-

[18] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 205. Л. 49 (31 декабря 1947 года).

[19] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 205. Л. 65 (без даты).

сто в нем занимала ее подруга — доцент Удмуртского пединститута и специалист по русской литературе Анна Николаевна Зимина (1916 – 1998), также в этот круг должен был входить преподаватель философии, автор работ о В.Г. Белинском, зав. кафедрой основ марксизма-ленинизма Удмуртского пединститута Борис Зиновьевич Мушин, который был мужем А.Н. Зиминой [Лейтес, 2015, с. 95–96]. Нельзя не упомянуть и о довольно любопытном стечении обстоятельств: ровно в то самое время родная сестра А.Н. Зиминой — Н.Н. Андреева, жившая в Саранске и учившаяся на естественном факультете Саранского пединституте, — слушала лекции М.М. Бахтина по всеобщей литературе, а в 1950-е годы, когда работала начальником Саранской малярийной станции, сблизилась с М.М. Бахтиным; когда же в 1963 году была переиздана монография «Проблемы поэтики Достоевского», то один из экземпляров своей книги автор по просьбе Н.Н. Андреевой надписал А.Н. Зиминой [Клюева, Лисунова, 2022, с. 64–66].

Когда Е.И. Нестерова восклицала «Что я могу сделать?», она может быть еще не знала о том, что она сделает. Мы же не знаем, написала ли она то письмо в газету «Культура и жизнь», которое она захотела написать после прочтения статьи Д. Заславского, или нет. Здесь же отметим, что кампания вокруг имени Ф.М. Достоевского действительно привлекла внимание читателей, и даже в прессе отмечаются отклики по этому поводу. В «Литературной газете», главным редактором которой тогда был В.В. Ермилов, в подготовленном поэтом М.М. Матусовским обзоре редакционной почты упомянуто одно из них: «Много дней добиралось в Москву из Владивостока письмо лаборанта Дальневосточной базы Академии наук СССР <И.И.>Коноплева, откликнувшегося на недавние статьи о Достоевском» [Матусовский, 1948], о содержании которого мы ничего не знаем.

Однако мы знаем о том, что Елена Нестерова сделала. Она взяла тетрадные листы, выбрав чтобы на них не было случайно попавших проб пера школьников, и написала письмо, потом обсудила его с единомышленниками, и отправила 2 января 1948 года по адресу «Москва. Кремль. Сталину».

Многие тогда писали Сталину, писали обо всём, но Е.И. Нестерова, библиотекарь из Удмуртии, написала о самом драгоценном — о Федоре Михайловиче Достоевском. Вероятно, ей было страшно это сделать, отчасти поэтому ее письмо было анонимным.

Когда же в 1949 году словесникам Ижевска показалось, что критика Ф.М. Достоевского затихает, и даже появился слух о том,

что произведения Ф.М. Достоевского будут возвращены в школьную программу (что впоследствии не подтвердилось), то Е.И. Нестерова рассказала А.С. Долинину о написанном ранее письме:

> Дорогой Аркадий Семенович!
>
> Недавно мы обсуждали новость: Достоевского снова ввели в программу средней школы. Это кажется необычайным. И вообще, нам кажется, что история со статьей Заславского имела совершенно обратные результаты. Может быть, немножко повлияли отклики читателей в защиту Достоевского. Мы тоже, Аркадий Семенович, писали, писали И.В. Сталину. А сейчас вот вспомнили об этом. Вдруг, чудом на наше письмо кто-нибудь обратил внимание, и вдруг оно тоже имело какое-то значение. Писала, собственно, я, но так как я зачитывала его своим друзьям, то оно является как бы мнением коллектива. Только поэтому я решила, что, может быть, Вам покажется интересным узнать его содержание — и потому высылаю его Вам[20].

Текст этого письма Сталину и сохранился в архиве А.С. Долинина[21], и тем самым удалось воссоединить письма Е.И. Нестеровой и написанную ее же рукой «копию письма неизвестного лица». Мы не знаем, попало ли это послание к адресату: вероятнее всего, что нет. В силу обилия писем к вождю подобные послания из краев областей проходили через сито на местах, на уровне обкомов, а это письмо вряд ли было сочтено важным, и обязательным для переправки в Особый сектор ЦК ВКП(б); впрочем, отрицать такую возможность мы также не можем.

Однако нам скорее важен самый факт, что в даже в те тягостные годы, вдали от столиц, где казалось бы идеология давно поработила человека и была удушена всякая свободная мысль, сохранялась и чистая любовь к Ф.М. Достоевскому, и преклонение перед его гением, и читались его произведения, и даже нашлись люди, которые нашли в себе смелость и встали на его защиту. То, что вскоре автор этого письма прервала свою переписку с А.С. Долининым, затем уехала из Ижевска и навсегда пропала, может говорить о том, что это письмо имело для нее не лучшие последствия. Впрочем, мы этого также не знаем.

Приводимое же письмо Елены Нестеровой осталось уникальным свидетельством жизни Ф.М. Достоевского в XX веке, и единствен-

---

[20] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 205. Л. 64 (без даты).

[21] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 2. Д. 831. Л. 1 – 4, автограф.

ным свидетельством жизни той, кто мечтал стать исследователем его творчества в те трагические годы.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Это почти фантастически, что я пишу Вам, но я обращаюсь к Вам за справедливостью по вопросу исторической важности и сейчас требующему своего окончательного решения.

Недавно в газетах «Культура и жизнь» и «Литературной газете» были опубликованы статьи Заславского и Ермилова по поводу творчества Достоевского, которые у многих вызвали недоумение и окончательную путаницу вокруг колоссальной фигуры сложнейшего писателя. Разрешите мне высказать Вам свои сомнения в надежде на Ваше внимание и справедливое решение этого вековечного спора.

Ермилов и Заславский очень уверенно признали Достоевского реакционным писателем, творчество которого, по их мнению, не должно иметь почти никакой ценности для нашего народа. А с другой стороны они довольно грубо обвинили Кирпотина и А. Долинина якобы в приукрашивании Достоевского. Так ли все это, не слишком ли это легкое решение сложного вопроса?

Обвинения Заславского и Ермилова идут главным образом по следующим линиям:

1. Достоевский — человеконенавистник, унижающий и оскорбляющий человеческую природу своей клеветой на человека.

Если мы согласимся, что это так, то куда же мы денем: образ Ивана Карамазова, с его глубиной мыслей и чувств, с его жгучей любовью к детям и страдающему человеку, с его жаждой мести за человеческие страдания, с его страстной привязанностью к жизни; образ Алеши Карамазова с его чистой привязанностью к детям и верой в будущее; образ князя Мышкина, которого Салтыков-Щедрин назвал попыткой «изобразить человека, достигшего полного нравственного и духовного равновесия», попыткой показать «конечную цель, в виду которой даже самые радикальные разрешения всех остальных вопросов, интересующих общество, кажутся лишь промежуточными станциями»; целую семью Мармеладовых, погибающих и заносимых грязью, но необыкновенно чистых и прекрасных душой! А куда мы денем тот спор о человеке, который идет в «Легенде о великом инквизиторе» и в котором Достоевский решительно становится на сторону того, кто верит в благородство и нравственные силы челове-

ка. Заславский и Ермилов упирают на Голядкина. В этом вопросе я вполне разделяю мнение Кирпотина в главе «Двойник». Достоевский усомнился в возможностях чиновника переделать жизнь. Он увидел в нем, кроме забитости, еще черты всепоглощающего карьеризма, подхалимства и предательства. Не волен ли был Достоевский рисовать чиновника таким, каким он был, может быть, в подавляющем большинстве? Как известно, наша партия тоже никогда не видела в чиновнике решающей силы в социальных переворотах.

2. Достоевский проповедует ницшеанскую философию о сверх-человеке.

В этом плане мне определенно кажется, что Достоевскому приписывают то, против чего боролся сам писатель. Об этом говорит судьба Раскольникова, об этом говорит неприятие Достоевским «великого инквизитора». Достоевский боролся против идеи о сверхчеловеке за идею воссоединяющейся интеллигенции с народом. В этом единении он видел первый шаг, видел начало великого дела, а что будет дальше, он не представлял себе точно, да и не мог представить в силу исторических условий. На эту тему уже есть достаточно удивительные высказывания в «Огоньке» № 46–47 за 1946 год, но Ермилов упорно возвращается к старой песне.

3. Достоевский пугает революцией.

Нужно спросить, какой революцией, знал ли Достоевский опыт пролетарской революции в полном смысле этого слова и знал ли он вообще пролетариат, русский пролетариат? Он знал борьбу французского пролетариата, в которой кровопролитие не привело ни к каким результатам. Достоевский, конечно, не сделал марксистского вывода, не увидел в ней предвестника победной революции. Он еще больше усомнился в правильности этого пути к «вечной гармонии», к будущему счастью человечества, о котором никогда не переставал страстно мечтать. Другой путь, помимо революции, он видел, как и Толстой, в постепенном самосовершенствовании, в котором главенствующую роль должна была сыграть религия. Идею христианского коммунизма Достоевский развил в романе «Братья Карамазовы», в образе старца Зосимы, но, как известно, образ старца Зосимы Достоевского не удовлетворял, и он сам чувствовал ущербность этой идеи. А. Долинин в своих работах очень убедительно доказывает, что Достоевский до конца жизни не мог найти твердого решения, какой же путь к «вечной гармонии» действительно верный. Путей он намечал много: через кровопролитие и без кровопролития, с религией и

без религии. Организованной борьбы пролетариата Достоевский не знал, а бунту мелкого буржуа он не доверял и имел все основания не доверять, имел все основания увязывать этот бунт со страшной картиной: «Восстание в Париже, победа, 200 миллионов голов, страшные язвы, разврат, истребление искусства, библиотек, замученный ребенок. Споры, беззаконие. Смерть». Но в то же время Достоевский чувствовал логику, неотразимую, как восклицание А. Карамазова — «Расстрелять!» Вот почему Версилов говорит Подростку:

«О, не беспокойся, я знаю, что это было “логично”, и слишком понимаю неотразимость текущей идеи; как носитель высшей русской культурной мысли, только я один, между всеми петролейщиками, мог сказать им в глаза, что их Тюильри — ошибка, и только я один, между всеми консерваторами и отомстителями, мог сказать отомстителям, что и Тюильри “хоть и преступление, но все же логика”».

В этом мы видим трагическое противоречие Достоевского, которое Ермилов не признает и обвиняет А. Долинина в грубой фальши. Для нас сейчас, конечно, все ясно, понятно, но не нужно Ермилову забывать, что тогда-то далеко не все так было ясно и понятно, что вся суть той эпохи заключалась в сомнениях и противоречиях, из которых родилась истина.

4. Достоевский клевещет на революционных демократов.

Вопрос этот в основном увязывается с романами Достоевского «Записки из подполья» и «Бесы».

«Записки» являются яркой иллюстрацией к глухому бесперспективному времени, о котором Достоевский в романе «Подросток» устами Крафта говорит:

«Нынче все безлесят Россию, истощают в ней почву, обращают в степь и приготовляют ее для калмыков. Явись человек с надеждой и посади дерево — все засмеются: “Разве ты до него доживешь?” С другой стороны желающие добра толкуют о том, что будет через тысячу лет. Скрепляющая идея совсем пропала. Все точно на постоялом дворе. И завтра собираются вон из России, “все живут, только бы с них достало”».

Пропала скрепляющая идея между будущим и настоящим. Нет цели, то есть не отвлеченного представления о благе, а настоящей достижимой цели, которую можно было бы любить и безусловно верить в нее. Ее место занимают довольно туманные и сбивчивые рассуждения о том, что будет через тысячу лет. Но могли ли эти рассуждения удовлетворить «униженных и оскорбленных», которым нужно было

жить сейчас? Нет, автор «Записок» ненавидит «подполье»: «К чорту подполье! Я жажду чего-то другого, совсем другого, но которого я никак не найду!». Он хочет верить в будущее и жаждет найти свой идеал.

«Я, может быть, на то только и сердился, — говорит он, — что такого здания, которому можно было и не выставлять языка, из всех ваших зданий до сих пор не находится. Напротив, я бы дал совсем отрезать язык из одной благодарности, если бы только устроилось так, чтобы мне самому уже более никогда не хотелось его высовывать».

Но автор «Записок» не знает выхода из «подполья», не видит своего врага, не верит, хотя и хочет верить в будущее. Он иронизирует над идеалами социалистов-утопистов, во-первых, как над недостижимыми, а во-вторых, как над несовершенными. Имел ли «человек из подполья» право на эту иронию. Мне кажется — да, потому что он не знал подлинного, научного социализма, а социализм в трактовке Зайцевых, «зайцевская хлыстовщина» вызывала иронию не только у героев Достоевского, но и у Салтыкова-Щедрина. Не верю, чтобы Достоевский, автор «Сна смешного человека», мог смеяться над тем, что несло бы подлинное благо человечеству. Об этом, конечно, можно только предполагать, но и в предположение не верю.

Роман «Бесы» посвящен процессу Нечаева, и изображение в нем нечаевцев недалеко от истины. Упрек в том, что Достоевский якобы обобщил в «Бесах» вообще все революционное движение, в каких бы формах оно ни проявлялось и каких бы идей оно ни выдвигало. Действительно, в романе нечаевцам никто не противопоставляется и такой вывод естественно напрашивается. Сделал ли это Достоевский намеренно, с целью оклеветать вообще все революционные силы, или здесь есть другие причины. Мне кажется, что заслуживает серьезного внимания высказывание А. Долинина по этому поводу в его статье «Достоевский и Герцен»:

«Нигилизм он (Достоевский) оставил, — бежав за границу, — огрубелым, доведенным до последней степени пошлости; шигалевщина вовсе не отрицание революции: страстью Достоевского, силою негодования его руководит не сущность движения, не сама цель, а средства и способы ее осуществления. Недаром в письмах за период “Бесов” не одно только торжество утоленной злобы, — в них нет достаточной уверенности в своей правоте, и ощущается ясно тревога: “Он оторван от России и, может быть, многого уже не знает в ней”».

5. Достоевский видит оплот в самодержавии.

Эта линия меняющегося мировоззрения Достоевского сказалась больше всего в публицистике, а не в художественных произведениях. Поэтому судить об этом мне трудно, но и по тому же самому мне кажется, что эта тема менее всего важна, ибо мы расцениваем сейчас художественное наследие Достоевского и оно прежде всего представляет для нас цену.

Я не допускаю сомнения в том, что творчество Достоевского имеет огромное познавательное значение. В его героях мы находим глубочайшую ответственность за свои поступки и через это — невиданную чистоту их души; в его книгах мы чувствуем на каждом шагу любовь к человеку и нестерпимую боль за «униженных и оскорбленных», сливающуюся со страстной мечтою о будущей гармонии и счастье человечества. А когда мы знакомимся с его мучительными и бесплодными поисками путей к будущему, мы получаем возможность еще лучше, еще ярче понять великую историческую роль нашей партии, уверенно ведущей нас к тому, о чем только мечтал Достоевский.

В свое время Горький был прав выступая против Достоевского. В то время начала XX века, время борьбы партий и мнений, Горький был даже обязан резко отстаивать свое право вести людей за собой и указывать, что путь Достоевского — это не путь, а только попытка найти путь через сыпучие пески. Горький боролся в Достоевском по существу против того же самого, против чего боролся и Ленин в Толстом. Но ленинская оценка Толстого несравненно стоит выше горьковской оценки Достоевского. Борьба есть борьба. Достоевский нашел у Горького несколько однобокую и пристрастную оценку. Брать ее за основу и ставить на этом точку — сейчас уже нет никакой необходимости. Неужели мы без борьбы отдадим Достоевского на съедение буржуазному миру? Мне кажется, у нас есть все основания гордиться им так же, как мы гордимся Пушкиным, Гоголем и Толстым, а не стыдиться, как это делают Заславский и Ермилов.

Я не специалист, возможно, ошибаюсь, но я искренне высказываю Вам свои убеждения, сомнения в надежде на внимание и справедливое решение этого волнующего для всех вопроса. Дорогой Иосиф Виссарионович, возможно ли это? Хочется верить, что — да.

2 января 1948 г. Ижевск

Список литературы

1. Александров, 1946 — *Александров В.* Ф.М. Достоевский: (11 ноября 1821 – 9 февраля 1881 года): К 125-летию со дня рождения // Огонек. 1946. № 46/47. С. 26–27.

2. Дружинин, 2012 — *Дружинин П.А.* Идеология и филология, Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

3. Ермилов, 1947 — *Ермилов В.В.* Ф.М. Достоевский и наша критика // Литературная газета. 1947. № 66, 24 декабря. С. 2.

4. Заславский, 1947 — *Заславский Д.* Против идеализации реакционных взглядов Достоевского // Культура и жизнь. 1947. № 35 (54), 20 декабря. С. 3–4.

5. Клюева, Лисунова, 2022 — *Клюева И.В., Лисунова Л.М.* «Вы открыли мне... глаза»: История письма саранской студентки <Н.Н. Андреевой> М.М. Бахтину // Бахтинский вестник. 2022. Т. 4, № 2. С. 63–68.

6. Лейтес, 2015 — *Лейтес Н.С.* Из истории моей семьи: Страницы воспоминаний / под ред. Р.С. Спивак. Пермь: Пермский гос. нац. исследовательский университет, 2015. 183 с.

7. Матусовский, 1948 — *Матусовский Мих.* Голос друга: Обзор редакционной почты // Литературная газета. 1948. № 18, 3 марта. С. 4.

References

1. Aleksandrov, V. “F.M. Dostoevskii: (11 noiabria 1821 – 9 fevralia 1881 goda): [K 125-letiiu so dnia rozhdeniia]” [“Fyodor Dostoevsky: 11 November 1921 – 9 February 1881: [For the 125th Anniversary]”]. *Ogonek*, no. 46/47, 1946, pp. 26–27. (In Russ.)

2. Druzhinin, P.A. *Ideologiia i filologiia: v 2 tomakh* [*Ideology and Philology: in 2 vols*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. (In Russ.)

3. Ermilov, V.V. “F.M. Dostoevskii i nasha kritika” [“Dostoevsky and Our Criticism”]. *Literaturnaya gazeta*, no. 66, 1947, 24 Dec., p. 2. (In Russ.)

4. Zaslavskii, D. “Protiv idealizatsii reaktsionnykh vzgliadov Dostoevskogo” [“Against the Idealization of Dostoevsky’s Reactionary Views”]. *Kul’tura i zhizn’,* no. 35 (54), 1947, 20 Dec., pp. 3–4. (In Russ.)

5. Kliuieva, I.V., and L.M. Lisunova. “‘Vy otkryli mne... glaza’: Istoriia pis’ma saranskoi studentki <N.N. Andreevoi> M.M. Bakhtinu” [“‘You opened my... eyes’: The Story of a Letter from a Saransk Student <N.N. Andreeva> to M.M. Bakhtin”]. *Bakhtinskii vestnik*, vol. 4, no. 2, 2022, pp. 63–68. (In Russ.)

6. Leites, N.S. *Iz istorii moei sem’i: Stranitsy vospominanii* [*From the History of My Family: Pages of Memories*]. Ed. by R.S. Spivak. Perm’, Permskii gos. nats. Issledovatel’skii universitet Publ., 2015. 183 p. (In Russ.)

7. Matusovskii, Mikh. “Golos druga: Obzor redaktsionnoi pochty” [“Voice of a Friend: A Review of the Editorial Mail”]. *Literaturnaia gazeta,* no. 18, 1948, 3 Mar., p. 4. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 02.03.2025
Одобрена после рецензирования: 14.04.2025
Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 02 Mar. 2025
Approved after reviewing: 14 Apr. 2025
Date of publication: 25 June 2025